

УДК 398.22

DOI: 10.47928/1726-9946-2021-21-4-77-82

Язык и стиль адыгского эпоса

Гутов А.М.

Представлено академиком АМАН Х.И. Баковым

Одной из особенностей словесного искусства является то, что в художественном тексте форма выражения имеет не меньшее значение, чем его содержание. Вместе с тем есть одна особенность, которая может быть признана общей и обязательной для художественного текста. Это установка на создание особого условного мира со своими закономерностями, которые коррелируют с действительностью, но не являются слепком с нее [1, с. 458].

Еще Аристотелем был предельно лаконично сформулирован фундаментальный принцип художественного текста: «Достоинство речи – быть ясной и не быть низкой» [2, с. 149]. Это сказано именно относительно языкового стиля речи или письменного текста, ориентированного на эстетическое восприятие. Как представляется, первое условие, «быть ясной», не требует пространных толкований: поэтический текст, как явление, рассчитанное на слушателя или читателя, должен быть доступным настолько, чтобы воспринимающий, не слишком увлекаясь раскрытием разного рода мудреных закодированных смыслов и не теряя основной канвы изложения, имел возможность получать удовлетворение от информации, призванной быть самодостаточной как в утилитарно-информативном плане, так и в плане эстетическом. Более сложным представляется содержание второй части фразы: «... и не быть низкой». Автор развивает эту идею таким суждением: «... чудесное приятно: это видно из того, что все рассказчики, чтобы понравиться, привирают» [2, с. 155]. Видимо, слово «привирать» здесь не адекватно значению «лгать», «говорить неправду», а ближе к понятию «приукрашивать». Для удержания внимания рассказчик вынужден сдабривать свою речь долей фантазии, интонацией, образностью языка, чему обычно сопутствует художественный вымысел. Аристотель в «Риторике» дополняет толкование данного суждения следующим образом: «Удаленность <от привычного> заставляет <слог> казаться торжественнее: ведь люди получают от слога такое же впечатление, как от чужеземцев по сравнению со своими. По этой причине следует делать язык чуждым <...>: далекому изумляются, а то, что изумляет, приятно» [2, с. 171]. Если перевести слова античного философа на современную систему понятий, слово «чуждый» означает не просто непонятные слова и целые сочетания, а такие слова и обороты, которые в обиходной, «низкой», речи менее употребительны или даже могут показаться неуместными. В поэтическом контексте они выглядят свежо, привлекательно, возвышенно. Таким образом, Аристотель со всей определенностью изложил универсальные принципы творчества, соблюдение которых необходимо для создания феномена словесного искусства. При этом и беглого обзора истории вопроса достаточно, чтобы убедиться, что данные принципы универсальны для любого времени и любой социокультурной и этноязыковой среды. Условием создания художественного текста признается сочетание, с одной стороны, доступности для восприятия (для чего все же требуется определенного рода мобилизация сознания воспринимающего) и, с другой

– импрессивности, новизны, даже необычности формы.

Суждение древнегреческого мыслителя аксиоматично. Европейские и отечественные авторы многократно подтверждали это на примере анализа особенностей языка художественного произведения на материале шедевров мировой художественной словесности – от древнейших образцов до произведений современных профессиональных писателей. А.Н. Веселовский отмечает: «Уже Я. Гримм, Гофман и Гегель обратили внимание <...>: народ поет не на своих диалектах, а на литературном языке, *либо на языке возвышенном* (выделено нами - А.Г.), близком к литературному» [3, с. 358]. Это он отмечает в фольклоре многих азиатских и европейских народов, оговаривая, что названный феномен характерен для героико-эпического стиля, но не настолько выражен в обрядовой лирике [3, с. 359]. Также об особенном стиле художественного текста писали с опорой на фольклорный материалы классического эпоса, Гельвеций, Гегель, В.Я. Пропп, В.М. Жирмунский, В.В. Виноградов, П.Г. Богатырев. Последний даже ввел специальный термин, «язык в его эстетической функции» [4]. Любопытно по данному поводу замечание Р.О. Якобсона. Вне зависимости от диалекта или говора самого сказителя, в его речи обнаруживается «немало особенностей, чуждых не только данному диалекту, но нередко и всей совокупности современного русского наречия» [5, с. 88].

Один из специальных трудов в данном плане – исследование А.В. Десницкой, выполненное на материале русской литературы и фольклора [6, с. 1970]. В силу специфики темы и исследуемого материала ее работу правомерно отнести к стыку трех смежных дисциплин – лингвистики, литературоведения и фольклористики. Для нас особенно важно, что под «наддиалектностью» автор подразумевает не абстрагирование от живой речи, а тенденцию преодоления двух факторов: а) обеспечение общедоступности для носителей разных диалектов данного языка и б) особый «возвышенный» стиль, вернее его эстетически аккумулятивный вариант.

В кавказской фольклористике наиболее последовательно в данной области работали З.Ю. и М.А. Кумаховы, которые с опорой на суждения А.В. Десницкой и других ученых основательно исследовали функциональные, в том числе и эстетические, особенности языка адыгского фольклора. Первый большой труд, которым была начата серия исследований, посвящался общим вопросам языкового стиля. Особое внимание уделено в ней языку фольклора: это отдельная глава, в которой изложены исходные теоретико-методологические принципы, на которых базируется авторская научная концепция и дается общая характеристика наиболее важных особенностей языка устной поэзии адыгов [7, с. 26-130]. Примечательно, что исследователи рассматривают материал в комплексе и дифференцированно, обращая внимание на синтаксические, лексические, морфологические, фонетические особенности – фактически в русле теоретических суждений Р.О. Якобсона. Следующая монография, «Язык адыгского эпоса. Нартский эпос» [8], это углубление и развитие тех наблюдений на конкретном языковом материале, разработка которых была начата ранее. Как явствует из самого названия, книга почти полностью посвящена языковым особенностям архаических эпических сказаний адыгов. Тем не менее, отдельной главой в ней дан анализ материала, на основе которого разработаны теоретико-методологические принципы, сформулированные в предыдущем труде [8, с. 16-80]. Кроме того, прежде чем приступить к рассмотрению фольклорных текстов, ав-

торы внесли ясность в проблемы генезиса архаического эпоса, структурные особенности материала, пространственно-временные отношения в системе эпических текстов [8, с. 81-128]. Это открыло возможности для рассмотрения проблемы в комплексе. В результате получилось системное исследование, в котором проблема языка и стиля фольклора рассматривается в достаточно широком контексте, и такой подход способствует не только более полному раскрытию конкретной темы, но также и разработке проблемы в теоретическом плане. Благодаря такому подходу удалось на конкретных примерах установить основные закономерности формирования языкового стиля адыгского эпоса и нащупать общесловесные закономерности эпического стиля, на которые ранее фактически не обращалось внимания. В частности, определены атрибутивные особенности языка, которые позволяют признать художественный эпический текст не просто наддиалектным, но особым образом организованным целым, хотя как профессиональные языковеды З.Ю. и М.А. Кумаховы больше обращают внимания на сугубо лингвистические аспекты. В развитии наблюдений, начатых ранее, они, как и в первой работе, выделяют синтаксические, лексические, морфологические и фонетические особенности. Но это не количественное накопление материала, а углубленное, с привлечением богатейшего фактического материала, изучение специфики текста. Результаты анализа свидетельствуют о типологичности таких явлений, как, например, особый, эмоционально маркированный возвышенный стиль эпического текста, проявляющийся в активном использовании сказителями устойчивых и поэтически насыщенных словесных блоков, параллелизмов, особой организации морфологической структуры слова, звуковой организации поэтического текста.

Третья и последняя по времени монографическая работа, «Нартский эпос: язык и культура» [9], включает серию многолетних разысканий. Наибольший интерес для нас представляет второй раздел, «Сравнительно-исторический анализ архаизмов и «темных мест» эпической лексики» [9, с. 191-288]. Заметим, что только слов и сочетаний, которые потребовалось вывести из разряда труднообъяснимых, которые ранее признавались не поддающимися рациональному толкованию, авторами проанализировано свыше 80 единиц, большинству из которых посвящены не краткие справки-комментарии, а полноценные самостоятельные исследования. Это потребовало комплексного анализа в области истории, этнографии, эстетики, психологии. В основу его заложено суждение о том, что при изустной естественной актуализации эпического текста, который формировался в течение длительного периода, в тексте неизбежно встречаются слова и выражения, не употребляющиеся в данной среде. Это может быть по причине их архаичности, принадлежности к отраслевой терминологии (кузнечной, земледельческой, скотоводческой), локальности границ употребления (диалектная лексика), искажения при естественной ретрансляции текста от одного исполнителя его преемнику, а чаще – воспреемнику-слушателю.

В устном бытовании со временем число «темных мест» накапливается, и установить их изначальное звучание и единственный вариант в парадигме значений оказывается делом сложным. Кроме того, некоторые слова и фрагменты текста порою утрачивают изначальную семантическую функцию и остаются в тексте исключительно за счет гармонической звуковой организации, это привносит в текст еще больше неясностей и вольностей, приводя к искажениям смысла, но не обязательно разрушая при этом эстетическую оболочку произведения. Разобраться в каждом из подобных случаев – задача

воистину трудоемкая, требующая комплексного подхода и компетентности в смежных областях науки. К чести Кумаховых, они проделали эту работу не только относительно архаического эпоса, как они обозначили в названии своего исследования, но и с активным привлечением примеров из историко-героического эпоса и мифологической поэзии адыгов.

В результате анализа авторы установили общие закономерности образования эпического текста как эстетически организованного феномена и определили характер их конкретного проявления в разных жанрах фольклора адыгов, в том числе в архаической и младшей разновидностях народного эпоса – нартских сказаниях и циклах историко-героического характера. Особенно важно, что в последней монографии они дали яркие образцы историко-сравнительного анализа встречающихся «темных мест».

В центре их внимания были все же материалы нартских сказаний. К сожалению, чета замечательных ученых не успела с той же тщательностью проанализировать тексты историко-героических песен, но их общие теоретико-методологические принципы и отдельные наблюдения представляют надежную базу и образец для последующего исследования стиля произведений младшего эпоса. Увы, столь фундаментальных работ в данном направлении нет. Тем не менее, отдельные интересные наблюдения над стилем народных песен имеются еще в фундаментальном издании «Кабардинский фольклор» под редакцией Ю.М. Соколова и Г.И. Бройдо [10]. Один из составителей и научный комментатор издания М.Е. Талпа снабдил записи песен комментариями, часть которых это весьма наблюдения над стилем и попытки прояснить трудные для перевода места в текстах.

Эту тенденцию продолжает позднее С.Ш. Аутлева. Анализируя историю возникновения и особенности отдельных песен, она делает ряд важных наблюдений над общими особенностями их поэтики и стилистики [11]. Таковы же вышедшие позднее монографии Ш.Х. Хута [12] и Р.Б. Унароковой [13], которые посвящены более общим и не менее важным проблемам и только в связи с их постановкой и решением касаются вопросов поэтического стиля.

Знаковым явлением стала обширная вступительная статья З.М. Налоева к III тому серии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» [14, с. 28-34]. Характеризуя поэтические тексты песен, он выявляет типы параллелизмов и повторов, употребительных при исполнении. Особое внимание он уделяет характеру взаимодействия партии солиста, инструментального и хорового сопровождения, роли ритмизирующих слов в песенном тексте. Свой скромный вклад в изучение стилистических особенностей адыгского эпоса внес и автор настоящей работы [15]. Как одно из первых по времени исследований на данную тему на материале адыгского эпоса мы успели только наметить основные тенденции в употреблении параллелизмов, а также синтаксических, лексических, фонетических повторов иного рода, а также изобразительно-выразительных средств, обеспечивающих речи художественное наполнение и определяющих ее стиль.

Подводя итог краткому аналитическому обзору, есть основания признать, что проблема изучения стиля адыгского эпоса, в особенности его младшей разновидности, остается в значительной мере не разрешенной. В частности, предстоит определить в его целостности комплекс поэтических приемов, которые обеспечивают текстам их эстетическую значи-

мость. За этим должен последовать анализ конкретных семантически значимых единиц языка, употребление которых с наибольшей интенсивностью выражает жанровую специфику явления и его этнокультурный колорит. Также ожидается своего достойного освещения проблема наддиалектности героико-эпического текста. В частности, представляется важным учитывать роль института джегуако, народно-профессиональных песнетворцев и певцов. Они с древних времен пользовались особым статусом, имели реальную возможность разъезжать по всему обширному краю – от северо-западного Причерноморья до Затеречной Кабарды. Это известное обстоятельство важно, кроме прочего, тем, что они рассказывали, пели, устраивали целые представления отнюдь не на одном диалекте и не только каким-либо образом механически подстраиваясь под аудиторию. Именно то обстоятельство, что они выступали в роли своего рода медиаторов между носителями различных диалектов и говоров, было важным фактором функционирования адыгского фольклора как единого целого, с одним стилевым ядром. Тот факт, что песни о событиях, произошедших в Кабарде или героях из этого края, были популярны в Западной Черкесии, а среди кабардинцев не менее популярными были песни о событиях и героях из Шапсугии, Бжедугии прочих отдаленных, следует признать следствием мощного развития института вездесущих джегуако, которые выполняли огромную по значимости этноконсолидирующую функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературный энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
2. Аристотель и античная литература. Москва: Наука, 1978. 232 с.
3. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940. 648 с.
4. *Богатырев П.Г.* Язык фольклора // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 106-116.
5. *Якобсон Р.О.* О соотношении между песенной и разговорной народной речью // Вопросы языкознания. 1962. С. 87-98.
6. *Десницкая А.В.* Наддиалектные формы русской речи и их роль в истории языка. Ленинград: Наука, 1970. 97 с.
7. *Кумахова З.Ю., Кумахов М.А.* Функциональная стилистика адыгских языков. М.: Наука, 1979. 360 с.
8. *Кумахов М.А., Кумахова З.Ю.* Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. Москва: Наука, 1985. 224 с.
9. *Кумахов М.А., Кумахова З.Ю.* Нартский эпос: язык и культура. М.: Наследие, 1998. 312 с.
10. Кабардинский фольклор. М.-Л.: Academia, 1936. 650 с.
11. *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVI-XIX веков. Нальчик: Эльбрус, 1973.
12. *Хут Ш.Х.* Историко-героический эпос адыгов. Майкоп: Адыгея, 2005. 164 с.
13. *Унарокова Р.Б.* Песенная культура адыгов (эстетико-информационный аспект). М.: ИМЛИ РАН, 2004. 216 с.
14. *Налоев З.М.* Героические величальные и плачевые песни адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III, часть I. Москва: Советский композитор, 1986. С. 5-34.

15. *Гутов А.М.* Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. (Изд. 2-е) Нальчик: изд-во Кабардино-Балкарского госуниверситета, 2013. 219 с.

ABSTRACT

In creating a special character of presentation that distinguishes an epic work from samples of other folklore genres and provides an aesthetic function as the main one, a specific epic style is important. With all other discrepancies, it is characteristic of both the poetic texts of the epic and the prose narrative. For the heroic epic, a special style is not only characteristic, but to a large extent is one of its attributes.

Keywords: heroic epic, historical and heroic songs, stylistics, poetic language, complex analysis.

Institute of humanitarian studies of the Kabardino-Balkar scientific center of the RAS, Nalchik

E-mail: adam.gut@mail.ru.

© А.М. Gutov, 2021

АННОТАЦИЯ

Эпический стиль – один из важнейших жанроидентифицирующих факторов в фольклоре. При всех иных расхождениях, он свойственен как поэтическим текстам эпоса, так и прозаическому повествованию. Именно благодаря ему исполнитель создает особую атмосферу со стройной системой условностей, воспринимаемых как особый мир, создаваемый при посредстве поэтического языка и функционирующий по собственным законам.

Ключевые слова: героический эпос, историко-героические песни, стилистика, поэтический язык, комплексный анализ.

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик

E-mail: adam.gut@mail.ru

© А.М. Гутов, 2021